

Резкий, терпкий запах винограда вдруг разорвал тишину тёмной тесной комнаты. Сюй Сяочжэнь, сжимая затылок, съёжился в углу кровати.

Тело будто закипело изнутри — жгло, ломило, а внутри всё словно рвали на волокна, пережёвывая с хрустом. Боль была такой яркой, что казалось — зубы стонут. Но, несмотря на эту невыносимую муку, внутри всё звенело пустотой. Ему отчаянно нужно было что-то живое, горячее, — чтобы это пустое нутро чем-то заполнилось.

Он не знал, что делать с этой болью. Всё это было слишком ново, слишком чуждо. Он нуждался в спасении.. но только если это будет стоить не дорого. Если дорого то не надо.

Железную дверь снаружи резко пнули — она со стуком распахнулась, и тут же захлопнулась. В комнату вошёл Чжоу Янь с мрачным, как грозовая туча, лицом. Бросил на пол вязанку туалетных принадлежностей — мыло, полотенце, зубную щётку — всё это с грохотом разлетелось по полу. Грохот, как будто ему кто-то задолжал миллионы.

С тех пор как Сюй Сяочжэнь его подобрал, Чжоу Янь всегда был такой: хмурый, отстранённый. Вроде бы обычный бета с самых низов, а глянешь — как сбежавший из дома сынок какой-нибудь богатой семьи Альф.

Квартира, выданная по социальной программе, была совсем крошечная. Сразу у входа — кровать. Сейчас всё пространство было пропитано виноградным запахом.

— Чжоу Янь... мне... плохо... — прохрипел Сюй Сяочжэнь, едва выговаривая слова. Дыхание срывалось после каждой фразы.

Чжоу Янь подошёл с видимой неохотой, сел на край кровати, и та тихо скрипнула. Он откинул со лба Сюй Сяочжэня слишком длинные пряди и увидел его покрасневшее лицо — как переспелый персик, налитый соком, только кожица — тонкая, вот-вот лопнет. Глаза блестели, как стекло в тумане. И всё было ясно с первого взгляда:

— У тебя дифференциация. Началась течка.

— Что?.. — Сюй Сяочжэнь с трудом соображал, но холодная рука была такой приятной, что он сам не заметил, как потянулся ближе, прижался, уткнулся в грудь. Голова стала ватной.

— Но я ведь... бета...

Чжоу Янь глубоко вдохнул, напрягся и оттолкнул его:

— После восемнадцати тоже бывает повторная дифференциация. Редко, но бывает. — Он повторил:

— Ты стал омегой.

Сюй Сяочжэнь снова прильнул к нему, теперь уже смелее, обвил шею руками, не сказал ни слова. Чжоу Янь подумал, что тот, наверное, на седьмом небе. Омега — значит не придётся больше жить в таких условиях, дадут документы, пособия. Целые горсти денег.

Но Сюй вдруг разрыдался — жалобно, сдавленно, как щенок:

— Всё... всё пропало, Чжоу Янь. Мы не сможем быть вместе... Империя запрещает союзы между бетой и омегой... Ты — бета, а я теперь... мы не из одного мира.

Чжоу Янь не ответил, он и не собирался быть с ним. Никогда не собирался. Да и правда — они никогда не были из одного мира.

Чжоу Янь почувствовал как стал задыхаться. Подавленные препаратами железы начинали нагреваться, горло свело от напряжения.

Сюй уже весь висел у него на плечах.

Железная будка в зимние месяцы стыла до костей, а летом в ней было как в духовке. Восемнадцатый район славился своим безумием — в апреле-мае погода могла резко сойти с ума, и вот сегодня был именно такой день: всё вокруг будто плавилось от сухого, навязчивого зноя.

Сюй Сяочжэнь надел застиранную, пожелтевшую майку, такую, какие носят старики, — она болталась на нём, просвечивала до кожи. На бёдрах — короткие шорты. Белая, мягкая, будто взбитая сливками кожа лоснилась от пота, и Чжоу Яню казалось, что если он прикоснётся — всё это растает у него на ладони.

Сюй Сяочжэнь прижался лицом к его шее, машинально целовал кожу — раз за разом, лёгкими касаниями, будто птенец. Шептал слипшимся голосом, будто в бреду:

— Обними... чуть-чуть... скоро отпустит...

В низших школах для Бета не преподавали биологию по альфам и омегам. Сюй не знал, что течку можно пережить только с подавляющим препаратом или с меткой Альфы.

Чжоу Янь с отвращением смотрел, как тот корчится и липнет к нему. Презрение светилось в глазах так ярко, что он и не пытался его скрыть.

Пока Сюй ёрзал, майка задралась, и тогда Чжоу заметил: прямо у него на груди, чуть выше сердца — маленькая родинка, словно кто-то аккуратно ткнул кончиком пера. Её почти не было видно, если не приглядеться.

Отвращение в глазах Чжоу Яня только усилилось. Он злился на самого себя — за то, что тело вдруг предало, за то, что в нём проснулся отклик. Его тоже накрывал чувствительный период, и феромоны Омеги задели что-то внутри, как спичка по сухой поверхности.

С яростью, с какой срывают на ком-то злость, он прижал палец к этой родинке — давил, тер, пока кожа не покраснела. Это была месть.

Это Сюй его соблазняет, а не наоборот! В конце концов, если даже в таком убогом районе как Восемнадцатый и родился случайно омега — скорее всего, это низший сорт. Ну и что с того, если он его трахнет?

Сюй чувствовал себя всё хуже. В бреду ему казалось, что он ощущает запах денег — свежих, только что снятых из банка. Аромат новой купюры: краска, хлопок, мягкая бумага. И этот запах, казалось, исходил от Чжоу Яня.

Запах был тонким. Нужно было совсем приблизиться, чтобы уловить его.

Какой приятный запах... Он обожал, как пахнут деньги. Чжоу Янь пах... как деньги.

Пот стекал с обоих тел, сливаясь в одну горячую, липкую плёнку. Сюй Сяочжэнь бессильно смотрел в потолок. Лампочка над ними раскачивалась, будто маятник, и ему казалось, что из головы сейчас вытряхнут мозги. Он крепко обнял Чжоу Яня за шею, обвил бёдрами его талию. Хотел поцеловать — но тот отвернулся, и тогда Сюй Сяочжэнь просто прижался щекой к его груди, прислушиваясь к биению сердца, и тихо, срываясь на слёзы, прошептал:

— Чжоу Янь... я не хочу быть Омегой... Я хочу быть с тобой.

В следующую секунду шею пронзила резкая боль. Он закричал, будто кто-то вырвал душу. Что-то внутри сорвалось с цепи, и разум словно слился с Чжоу Янем в одно целое. Они стали... связанными.

Но их история началась ещё двумя месяцами раньше.

Пятнадцатого февраля, ночью, после долгого перерыва мусор из Первого сектора снова сбросили в Восемнадцатый. Сюй Сяочжэнь вместе с другими мусорщиками влез в гущу драк, тычков, пинков, пока, наконец, не отвоевал себе право забить свою раздолбанную трёхколёсную тележку под завязку.

Первый сектор — это сердце Империи, столица. Там даже мусор — словно деликатес. То, что

выбрасывают их жители, для таких, как Сюй Сяочжэнь и прочих обитателей далёкого Восемнадцатого, — буквально пир на весь мир.

Вдруг кто-то из толпы закричал:

— Эй, там человек!!!

Все сразу замерли, потом кинулись смотреть. На земле валялся окровавленный парень. Одежда на нём была порвана в клочья, всё лицо залито кровью — не разглядеть ни черт, ни возраста, но, похоже, молодой.

Но бедняки больше всего боятся проблем, которые могут обернуться деньгами. Любая беда может разорить их окончательно. Поэтому никто к нему не подошёл — наоборот, разом отпрянули и в панике разбежались.

Сюй Сяочжэнь задержался на шаг, и тут тот, что лежал на земле, — почти без сознания — схватил его за лодыжку.

— Чёрт! Ты чего?! Не вздумай на меня свалиться! — Сюй Сяочжэнь взвизгнул и стал выдираться, пытаясь разжать руку. Но парень уже отключился, а пальцы не разжались.

Сюй Сяочжэнь сделал шаг, и мёртвый вес потащился за ним. Он тащил его почти четыре метра — пока, наконец, хватка не ослабла.

Лунный свет падал на тело. Мускулистый, высокий, с густыми чёрными волосами, слипшимися от крови — они напоминали засохшую корку на сковородке.

Если сейчас уйти — он не проживёт и трёх часов.

Проклятая совесть снова подала голос. Иногда ему казалось, что её бы стоило вырезать к чёртовой матери и продать в пункт приёма вторсырья по три мао за килограмм.

В Восемнадцатом секторе каждый день кто-то рождается, кто-то умирает. Это не Первый район, где каждый кашель попадает в новостные заголовки, где смерть — это событие, а тело — почти реликвия. Здесь — сдёрнул одежду, бросил в крематорий — и вот тебе новая партия отличного удобрения. Жизни здесь стоят слишком дешево, чтобы на них всерьёз тратить эмоции.

Он колебался. Протянутая рука будто цеплялась за сердце. И тогда Сюй решил отдаться воле случая. Пусть монета решит.

Орел — заберу с собой. Решка — уйду.

Серебристая монета закружилась на пыльной земле, описала десятки кругов... и упала.

Решка.

Бог богатства сжалился. Не хотел, чтобы он тратился лишний раз.

Сюй Сяочжэнь сел на корточки. Левой рукой грыз ноготь, правой откинул у незнакомца волосы с лица — глянул, откинул, снова глянул... Несколько раз. В голове свербела странная мысль — может, всё-таки стоит рискнуть?

Черты лица — на удивление правильные. Рост, наверное, метр восемьдесят семь... может, даже восемьдесят восемь.

В Первом секторе если кирпич с крыши упадёт — и из десяти придавленных прохожих девять окажутся либо Альфами, либо Омегами. А если этот упал прямиком с помойки Первого сектора — вдруг он Альфа?

Тогда... тогда это был бы настоящий джекпот.

Сюй Сяочжэнь, воодушевлённый мыслью, что «сорвал куш», притащил найденного парня к себе домой.

Но везение оказалось обманчивым. Парень оказался живучим, только вот «куш» сорвался. Более того — Сюй сам влетел на деньги.

Как только Чжоу Янь, этот паршивец, очухался, первым делом выкинул весь хлам, который Сюй Сяочжэнь годами собирал по помойкам. Сюй взорвался от ярости, проклял его последними словами и грозился убить лопатой, если тот не окажется альфой и не компенсирует убытки.

В конце концов, пришлось ещё и двадцатку выложить за анализ. Результат оказался хуже некуда: Бета. Причём такой, о котором ни в одной базе данных нет ни родни, ни следа — чистый лист. Характер отвратительный, привычки — хуже некуда. Единственное, что в нём стоило чего-то — это лицо. И всё же... он остался..

Сюй Сяочжэнь расплакался, уткнувшись в него. Бета — и хорошо. Без родственников — ещё лучше. Тогда Чжоу Янь будет только его.

В школе они появились только спустя семь дней после начала течки Сюя.

Сюй Сяочжэнь стеснительно дотронулся до его руки — лёгкое, почти незаметное прикосновение, и сразу отпустил. Опустил голову, уткнулся в землю. Чжоу Янь видел только

тонкую линию его подбородка.

Сюй Сяочжэнь был в школе изгоем, поэтому с самого первого дня держался от него подальше. Никто даже не подозревал, что они с Чжоу Янем вообще знакомы.

А Чжоу Янь был весь на взводе. Голова гудела от мыслей, он не хотел ни с кем разговаривать. Сунул руки в карманы и молча прошёл внутрь.

Он должно быть сошел с ума, раз поставил Сюй Сяочжэню пожизненную метку!

К счастью, тот восемнадцать лет прожил, считая себя туповатым бетой, и понятия не имел, что такое «узел» и «метка». Случилось ли между ними то, что могло бы всё изменить — никто из них точно не знал. У обоих это было впервые, а те семь дней прошли как в дымке.

А Сюй Сяочжэнь смотрел ему вслед и глаза его сияли. Чжоу Янь был по-настоящему красив. Во всём Восемнадцатом секторе не найти второго такого: высокий, с благородными чертами, слегка приподнятые брови придавали ему дерзкий вид. Где бы он ни стоял — всегда выделялся из толпы.

Раньше Сюю он тоже нравился. Но теперь, после этих семи дней, сердце колотилось сильнее, стоило лишь увидеть его спину.

— Эй! — внезапно кто-то резко хлопнул его по плечу сзади.

Он вздрогнул и обернулся.

Чэнь Исунь, в окружении своей свиты, шагнул вперёд и с издёвкой закинул руку Сюй Сяочжэню на плечо.

— Что такое? Сохнешь по нему? — ухмыльнулся он и легонько шлёпнул его по щеке, нежно, как змей, растягивая фальшивую улыбку.

Сюй Сяочжэнь с отвращением дёрнулся в сторону, но Чэнь Исунь тут же схватил его за шкуру и потащил назад, сжав шею. В глазах Сюя мелькнула ярость — черты лица исказились, будто сквозь гнев пробилась хрупкая гордость. Он заорал и начал вырываться, но Чэнь Исунь уже со злостью хлестал его по плечам и лицу, ладонь за ладонью:

— Ты совсем охренел, жалкий ты ублюдок? Мечтать о таком?! Посмотри на себя! Кто ты и кто он?! Ты хоть понимаешь, насколько ты ничтожен?!

Сюй Сяочжэнь кричал, требовал, чтобы они убирались, дрался как мог — но против нескольких сразу у него не было шансов. Его прижали к стене.

Один из прихлебателей Чэнь Исуня шлёпнул его по щеке, глядя с усмешкой:

— Ты вообще в своём уме? Чжоу Янь — первый в школе. Он, может, в Имперский университет поступит. А ещё у него есть шанс в пять процентов — стать альфой. Ты-то кто на его фоне?

Не успел тот договорить, как получил кулаком в челюсть — так, что зуб вылетел. Чэнь Исунь схватил своего приспешника за шкирку, повалил на землю и начал избивать:

— Ты кто такой, чтоб его лапать?! Я тебе разрешал?! — орал он.

Тот только скулил, закрывая голову руками, пока Чэнь Исунь не отстал, тяжело дыша.

Он снова повернулся к Сюй Сяочжэню, дёрнул за волосы, больно сжал подбородок в том месте, куда уже лезли чужие руки, и начал бить, при каждом ударе бросая ядовитые слова:

— Даже псы знают, что такое верность. А ты — как шлюха, к каждому липнешь.

Наверное, шум дошёл до Чжоу Яня. Он обернулся, прищурился, разглядывая происходящее.

Сюй Сяочжэнь уловил его взгляд и поспешно замотал головой — мол, не подходи, не вмешивайся.

Чэнь Исунь сразу вцепился в него сильнее, притянул к себе и, с ядовитой ухмылкой, крепко сжал его подбородок, глядя прямо в глаза Чжоу Яню. Тот посмотрел на них всего пару секунд, поморщился — и пошёл дальше, как будто ему это надоело до тошноты.

Чэнь Исунь рассмеялся. Громко, хрипло, с каким-то животным торжеством.

Чжоу Янь действительно ушёл.

А в глазах Сюя погас свет. Он опустил голову. Ногти вонзились в ладони, так глубоко, что кожа порвалась. Потом он медленно разжал кулак.

Чэнь Исунь — неудавшийся альфа. Дифференциация прошла наперекосяк, и его феромоны ударили по нервной системе. С тех пор он был... сломан. Как бешеная собака, бросался на всех подряд.

Его отец — один из боссов мафии в Двенадцатом районе, которому этот «сынок» был в тягость. В итоге он сплавил психически нестабильного сына в Восемнадцатый район, чтоб тот гнил здесь, отравляя воздух.

Все в округе сторонились этого сумасшедшего. А эта школа... школа принадлежала его отцу.

Так что Чжоу Янь правильно сделал, что ушёл. Он всё правильно сделал.

<http://bllate.org/book/14462/1279125>